

К. И. Зубков

УРАЛ КАК ГРАНИЦА ЕВРОПЫ И АЗИИ, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ
О ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РОССИИ

УДК 94(470.5):913(470+571)

ББК 63.3(235.55)

В статье анализируются итоги научной дискуссии географов и историков по проблеме формирования геоконцепта Урала как границы Европы и Азии и связанным с ней вопросам культурно-цивилизационной идентичности России. Анализ сфокусирован на выявлении сильных и слабых сторон двух высказанных позиций, одна из которых связывает зарождение рассматриваемого геоконцепта с идеологически мотивированным стремлением ряда ученых (В. Н. Татищев, П. С. Паллас) закрепить с его помощью результаты петровской «европеизации» России и связанную с ней новую — петербургоцентричную — организацию территории страны; другая же подчеркивает более ранний, исторически длительный и сложный характер формирования представлений об Урале как о границе Европы и Азии, акцентируя внимание на том, что идея европейской принадлежности России была достаточно полно отражена в источниках еще в допетровскую эпоху. В статье подчеркнуто, что роль Урала как границы Европы и Азии выступала аккумулятивным итогом ряда качественных сдвигов в культурном самосознании России, происходивших в связи с крупными мировоззренческими поворотами в развитии европейской цивилизации (Великие географические открытия, Просвещение); на этом фоне шло постепенное нарастание функционального потенциала Уральского региона (таможенная граница между Россией и Сибирью, регион горнозаводской промышленности). В ходе дискуссии подчеркнута необходимость дальнейшей совместной работы географов и историков по данной проблеме.

Ключевые слова: *Россия, Урал, Европа, Азия, граница, делимитация, география, история, геоконцепт, цивилизация*

Проблема границ, рубежей, демаркационных линий — физически-реальных или только мыслимых, линейных или представляемых в виде широких переходных зон — всегда являлась интереснейшим предметом научных исследований. Для географов определение границ — это неотъемлемая часть метода, заключающегося в дифференцирующем взгляде на земное пространство. Бурное развитие в XX в. культурной и политической географии добавило к этой неисчерпаемо сложной задаче необходимость исследования динамично изменяющихся моделей восприятия пространства, различных ментальных проекций, которые делают всякие границы социоморфными и потому в значительной степени условными. Для историков границы — это не только маркеры пространственной дифференциации исторических явлений и их сложных констелляций, но и мощные динамические факторы, которые, изменяясь сами, всякий раз задают новую структуру исторических пространств, меняют системные и векторные харак-

теристики социально-исторической деятельности. Очевидный социально-гуманитарный тренд в развитии современной географии и всё более заметный «пространственный поворот» в исследованиях историков создают столь явные предпосылки для сближения позиций и для взаимного концептуального обогащения обеих наук, что ряд авторов считает реальным возникновение общего теоретического языка, позволяющего анализировать «различные типы опыта, связанного с пограничными зонами и линиями».¹

Попыткой стимулировать такой диалог географов и историков стал Круглый стол «Урал: граница Европы или центр Евразии?», проведенный в июле 2015 г. в рамках XI Конгресса антропологов и этнологов России.² Один из аспектов научной дискуссии касался давней, но до сих пор неразрешенной проблемы геоконцепта Урала как конвенционально принимаемой сегодня границы Европы и Азии, соотношения реально-научных и мнимых оснований

Зубков Константин Иванович — к.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

¹ См.: Newman D. On Borders and Power: A theoretical framework // *Journal of Borderlands Studies*. 2003, Spring. Vol. 18, № 1. P. 12–25.

² XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. М.: Екатеринбург, 2015. С. 487–491.

для такого позиционирования древней, сильно разрушенной и легко проходимой Уральской горной страны на историко-географической и геокультурной карте Евразии.

Профессор В. Н. Калущков, опираясь на результаты своих исследований,³ представил пространственную сегодня среди географов метагеографическую интерпретацию возникновения в научном дискурсе геоконцепта, закрепившего за Уралом роль границы между Европой и Азией. Согласно его концепции, своим позиционированием в качестве границы частей света Урал обязан научному авторитету двух крупнейших российских географов XVIII в. — В. Н. Татищеву и П. С. Палласу, причем в основании их подхода автор усматривает определяющее влияние политического фактора — курса Петра Великого на европеизацию России, символически закрепленного переносом столицы государства из Москвы в Санкт-Петербург.⁴ Это, по мнению В. Н. Калущкова, потребовало реорганизации всего российского пространства, в том числе и картографической: приобщение России к кругу европейских стран обусловило необходимость рассматривать Россию к западу от Урала в качестве части Европы (каковой Россия до этого, как следует из логики рассуждений, не являлась). Геоконцепт Урала как границы Европы и Азии стал «культурно-географическим продуктом Санкт-Петербурга», представляя собой фрагмент нового — центрированного вокруг новой столицы — пространства России. Петербург, в силу своего «почти европейского» геокультурного и геополитического положения, создал, таким образом, «свою» границу внутри страны — «границу между Европой и Азией по Уралу».⁵

Эта позиция по-своему логична, хотя и далеко не нова. Ранее подобный взгляд высказал известный американский историк и географ Марк Бассин. По его мнению, географическая принадлежность доуральской части России к Европе явилась продуктом метагеографического — проще говоря, идеологического — конструирования, призванного подвести определенную квазинаучную базу под культурно-политический выбор, сделанный Петром I, и подчеркнуть, в подражание европейским державам, наличие у вновь возникшей Российской империи

своей «европейской» метрополии и азиатской «колониальной периферии». Именно в этом ключе — как попытку искусственной «европеизации» России — Бассин оценивает определяющую роль В. Н. Татищева в демаркации границы между Европой и Азией по Уралу и в отстаивании европейской принадлежности России.⁶ Данная интерпретация была без существенных изменений заимствована другими западными авторами, что нашло отражение в частности, в монографии М. Льюиса и К. Виген «Миф континентов».⁷ Авторы, вслед за Бассином, подчеркивают идеологическую ангажированность географической концепции Татищева как убежденного вестернизатора, правда, отмечая, что проведенная им по линии Уральского хребта граница Европы и Азии с поразительным единодушием была принята тогдашней европейской наукой.⁸ К сожалению, сегодня в период осложнения отношений России с Европейским Союзом, такая интерпретация обстоятельств и мотивов проведения границы между Европой и Азией по Уралу приобрела нежелательную политическую остроту. Об этом можно судить, исходя из содержания статьи польского политолога В. Вильчиньского, который, задавшись целью полностью «исключить» Россию из Европы, разоблачает Татищева как творца искусственной — «метагеографической» — идеи «европеистости» России с помощью смехотворных, порой совершенно безграмотных, аргументов.⁹

Привлекательность такого концептуального взгляда на проблему демаркации границы Европы и Азии по Уралу по-своему понятна. Столкнувшись с затруднениями в поисках безупречных и всеми принимаемых физико-географических критериев разделения Европы и Азии (подобных, например, тем, на основании которых выделяют материки), зарубежные и российские географы допустили крен в сторону метагеографии, сосредоточив внимание на культурно-цивилизационных критериях различения двух тесно взаимодействовавших и взаимопроникавших в ходе истории частей света — Европы и Азии. Не лишены убедительности и попытки связать зарождение самой проблемы европейских границ с эпохой

³ См.: Калущков В. Н. Граница между Европой и Азией по Уралу: историко- и культурно-географические аспекты геоконцепта // *Вопр. географии*. Сб. 136: Историческая география. М., 2014. С. 215–227.

⁴ См.: XI Конгресс... С. 489.

⁵ Калущков В. Н. Указ. соч. С. 216.

⁶ См.: Bassin M. *Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space* // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50, №1. P. 5–7.

⁷ Lewis M. W., Wigen K. E. *The Myth of Continents. A Critique of Metageography*. Berkeley; Los Angeles; London, 1997.

⁸ Ibid. P. 27.

⁹ См.: Wilczyński W. *Geografia i metageografia ziem dawnej Sarmacji* // *Przegląd Geopolityczny*. 2014. T. 9. S. 19–20.

Просвещения — с характерным для нее обостренным ростом самосознания Европы, стремлением не только к научному познанию окружающей природно-географической среды, но и к определенному ее техническому и культурному «усовершенствованию».

Эту концепцию вполне можно было бы принять, если бы не несколько диссонирующих с ней моментов. Во-первых, она не объясняет, почему при столь важном для новой идентичности послепетровской России выделении ее «европейского» фрагмента окончательный выбор границы был сделан научным сообществом в пользу Уральского хребта, а не других вариантов, предложенных примерно в это же время, — по тальвегам течений Дона, Волги, Камы и Печоры (М. В. Ломоносов), по течению Оби (Г. Делиль) или Енисея (И. Г. Гмелин).

Во-вторых, тезис о том, что именно идеологические мотивы, определили выбор границы Европы и Азии по Уралу, практически ничем не подтверждается; более того, он не согласуется с той сутобо рациональной, естественнонаучной аргументацией, которую Татищев приводил в пользу своей точки зрения, подходя к проблеме прежде всего как ученый. Он отметил, в частности, важную водораздельную функцию Урала, привел ряд наблюдений из области биоэкологии, которые могли бы служить признаками природного рубежа (разные породы рыб в реках к западу и востоку от Урала; отсутствие тараканов в Сибири; разность пород деревьев: на западной стороне Урала — «дубы и арешник», на восточной — «кедров и горохового дерева (сибирская желтая акация. — К. З.)... великое множество».¹⁰ Сколь бы случайными и несущественными ни казались эти признаки с позиций современной научной таксономии, выводы Татищева ясно говорят о том, что он был вполне далек от умозрительности в подходе к определению границы Европы и Азии. Еще более обстоятелен в этом отношении П. С. Паллас, который привел целый ряд систематизированных климатических, почвенных, ботанических наблюдений, позволивших ему признать Уральский хребет и его продолжение — Общий Сырт — «натуральную границу между Европою и северною Асиею».¹¹

В-третьих, использование культурно-цивилизационного критерия для определения

реальных границ Европы и Азии представляется не менее затруднительным, чем использование физико-географических признаков, но уже в силу того релятивизма, который приносят в этот вопрос и расхождения в определении сущностных черт самих цивилизаций, и исторические изменения их ареалов, и мета-географические вариации в трактовке цивилизационных границ. Вероятно, уже тот разброс точек зрения, который существовал по вопросу границ Европы и Азии среди ученых XVIII в., объяснялся тем, что на выбор ими тех или иных географических рубежей влияли и их субъективные представления о пределах распространения европейской цивилизации посредством русской колонизации. При этом тезис о внезапном, почти эмерджентном возникновении идеи «европейскости» России в начале XVIII в. выдает слабость многих географических работ по этой тематике, а именно — недостаток историзма. До сих пор географы используют исторические аргументы в подтверждение своих точек зрения довольно избирательно, скорее в виде отдельных прецедентов, избегая анализа явлений и процессов в более протяженном историческом континууме. Так, опирающееся на отдельные оценки утверждение географов об известном безразличии допетровской Московии к вопросам собственной самоидентификации по отношению к Европе и Азии¹² не позволяет однозначно говорить об отсутствии в русском обществе XVII в. ощущения принадлежности к Европе. Например, русские «космографии» XVII в., являющиеся редакцией западноевропейских сочинений, при всех вариациях вполне определенно помещают Московию в круг государств Европы (хотя и на ее удаленной северо-восточной окраине), в то время как Сибирь неизменно относят к азиатским владениям московского царя.¹³ За этим стоит еще более древняя летописная традиция, столь же однозначно относящая Русь с сонмом окружающих ее народов к «западным и полнощным» странам Яфетова удела (т. е. к Европе).¹⁴ Исходя из этого, можно полагать, что перед Татищевым стояла задача не столько вычленения из территории России ее «европейского»

¹⁰ Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 50, 51.

¹¹ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1773. С. 537.

¹² См.: Bassin M. Op. cit. P. 3–44; Калущков В. Н. Указ. соч. С. 215, 216.

¹³ См.: Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 464–466, 502, 503, 510, 511, 516.

¹⁴ Там же. С. 460, 466, 510, 511.

сегмента, сколько нахождения подходящего географического рубежа для более четкой, научно строгой делимитации ее европейской и азиатской частей. Таким рубежом и стал для него Урал в противовес восходящей к античности традиции, принимавшей в качестве границы течение Дона.

Принимая культурно-цивилизационный критерий за основу разграничения Европы и Азии, следует, на наш взгляд, учитывать историческую подвижность границ европейской цивилизации и, не сводя ее лишь к расширению ареала западно-латинских религиозно-культурных влияний, принимать во внимание исходное разнообразие ее региональных вариантов, среди которых есть сложившиеся центры, или «ядра», генерации цивилизационного потенциала, своя периферия («недо-Европа»), переходные и контактные зоны («полу-Европа») и т. д. При этом процесс развития европейской цивилизации, в том числе ее экспансию и утверждение ведущих позиций во всемирно-историческом масштабе, необходимо видеть в естественном флуктуационном ритме, т. е. рассматривать как чередование периодов нарастания и убывания цивилизационного потенциала, что особенно наглядно проявлялось на периферии Европы. В этой траектории развития можно наблюдать и свои «осевые» (в ясперовском смысле) периоды, когда синтез предшествующих культурных накоплений и новых открывающихся горизонтов возможностей особенно выразительно и прочно запечатлевался в европейском самосознании. Для Европы таким периодом, несомненно, была эпоха Великих географических открытий XV–XVII вв. Она характеризовалась не только стремительным расширением географического кругозора европейцев (во многом общего для всех европейских стран в силу возросшей скорости циркуляции знаний и идей), но и поразительно быстрым геополитическим структурированием известного мирового пространства (определение собственных границ по отношению к другим частям света, ориентиров экспансии, направлений географических поисков, сфер влияния и т. п.), которое осуществлялось не только в реальном измерении (военные экспедиции и торговля), но и в ментальном плане.

С учетом этого становится вполне понятным, почему при столь легкой проходимости Уральских гор и живой еще памяти о предыдущих русских походах за «Камень» экспедиция

Ермака, открывшая просторы Сибири для русской колонизации, предстает в летописном дискурсе как выход России из уютной, обжитой Ойкумены в неизведанный «Новый Свет» — в совершенно иное, культурно чуждое пространство. Так, в Есиповской летописи (1636) образ Урала вбирает в себя отчетливые реминисценции древних представлений о горах «Земного пояса», окружающих Ойкумену («Камень превысочайший зело, яко досязати инем холмом до облак небесных, тако бо божими судьбами устроясь, яко стена граду утвержена»), а преувеличенно-восторженное описание природного изобилия Сибири поразительно напоминает первые английские описания Северной Америки. Кучумово же Сибирское «царство» наделяется атрибутами абсолютного зла — как богопротивный оплот «идоложертвия», духовного мрака и всевозможных мерзостей, и это после, как минимум, трех веков активного и очень разного по характеру взаимодействия с татарскими ханствами!¹⁵ Такая характерная для «осевого» времени семантика восприятия вновь открываемых пространств, испытывая, несомненно, влияние предшествующей «космографической» традиции, наделяла Урал, никогда не являвшийся труднопреодолимым природным «барьером», свойствами совершенно неординарного природного объекта и границы между мирами.

Второй качественный сдвиг, способствовавший закреплению этой граничной функции Урала, связан с возникновением здесь в начале XVIII в. центра горнозаводской промышленности, что еще яснее позиционировало Урал как крайний восточный предел распространения европейской цивилизации.

Центральная же роль Урала в евразийском пространстве, как было подчеркнуто историками в ходе дискуссий, отчетливо выявилась гораздо позже, во всяком случае не ранее, чем мог сложиться в устойчивых границах и стабилизироваться соответствующий для этого геополитический формат — Российская империя. Общая позиция историков заключалась в том, что формирование представлений об Урале как о границе Европы и Азии следует считать не результатом идеологически мотивированного «конструктивистского» решения, а сложным и протяженным во времени процессом, в котором символические элементы сменяющих друг друга «картин мира» и элементы

¹⁵ ПСРЛ. Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 44, 48, 49.

функциональные (например, функция Урала в XVII–XVIII вв. как таможенной границы между Россией и Сибирью) органично дополняли друг друга. В целом состоявшийся диалог гео-

графов и историков по сложной историко-географической проблеме при всех сохраняющихся спорных вопросах позволил лучше определить направления ее дальнейшей разработки.

Konstantin I. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

THE URALS AS A BORDER BETWEEN EUROPE AND ASIA,
OR ONCE MORE ON RUSSIA'S CIVILIZATION IDENTITY

The article analyses the results of scientific discussion of geographers and historians on the problem of raising geo-concept of the Urals as a Europe — Asia border and connected issues of Russia's cultural-civilizational identity. The analysis is focused on exposing the potent and weak arguments of two positions uttered, one binding the origins of the considered geo-concept with the ideologically motivated strife of several scientists (V. N. Tatishchev, P. S. Pallas) for using it in rooting the results of Petrine "Europeanization" of Russia together with a new — Petersburg-centred — territorial organization of the country; another stressing on far earlier, historically prolonged and complicated character of forming the ideas of the Urals as a Europe — Asia border, taking into account the reflection of Russia's belonging to Europe in the sources of the pre-Petrine epoch. The article underlines that the role of the Urals as a border between Europe and Asia appeared as a accumulated result of several qualitative shifts in Russia's cultural self-consciousness occurred in connection with major turnabouts in viewing the world (the Age of Discovery, the Enlightenment), against the background of which a gradual increase in functional potential of the Ural region (customs boundary between Russia and Siberia, the region of mining industry) took place. In the course of discussion the need was underlined for further working collaboration of geographers and historians on this problem.

Keywords: *Russia, the Urals, Europe, Asia, border, delimitation, geography, history, geo-concept, civilization*

REFERENCES

- Bassin M. *Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space*. Slavic Review. 1991, January, vol. 50, no. 1, pp. 1–17. (in English.).
- Kalutskov V. N. *Granitsa mezhdru Yevropoy i Aziey po Uralu: istoriko- i kulturno-geograficheskie aspekty geokontsepta* [Border between Europe and Asia across the Urals: historical and cultural and geographical aspects of a geoconcept]. Voprosy geografii. Sb. 136: Istoricheskaya geografiya [Geography questions. Sb. 136: Historical geography]. Moscow: ID "Kodeks" Publ., 2014, pp. 215–227. (in Russ.).
- Lewis, M. W., Wigen K. E. *The Myth of Continents. A Critique of Metageography*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press Publ., 1997. 343 p. (in English.).
- Newman D. *On Borders and Power: A theoretical framework*. Journal of Borderlands Studies, 2003, Spring, vol. 18, no. 1, pp. 12–25. (in English.).
- Wilczyński W. *Geography and metageography of the lands of the former Sarmatia* [Geografia i meta-geografia ziem dawnej Sarmacji]. Przegląd Geopolityczny [Geopolitical Overview], 2014, vol. 9, pp. 9–30. (in Polish).